СТРАННИК • УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА

СТРАННИК

УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА

IXΘYC

НЬЮ ИОРК

СТРАННИК

УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

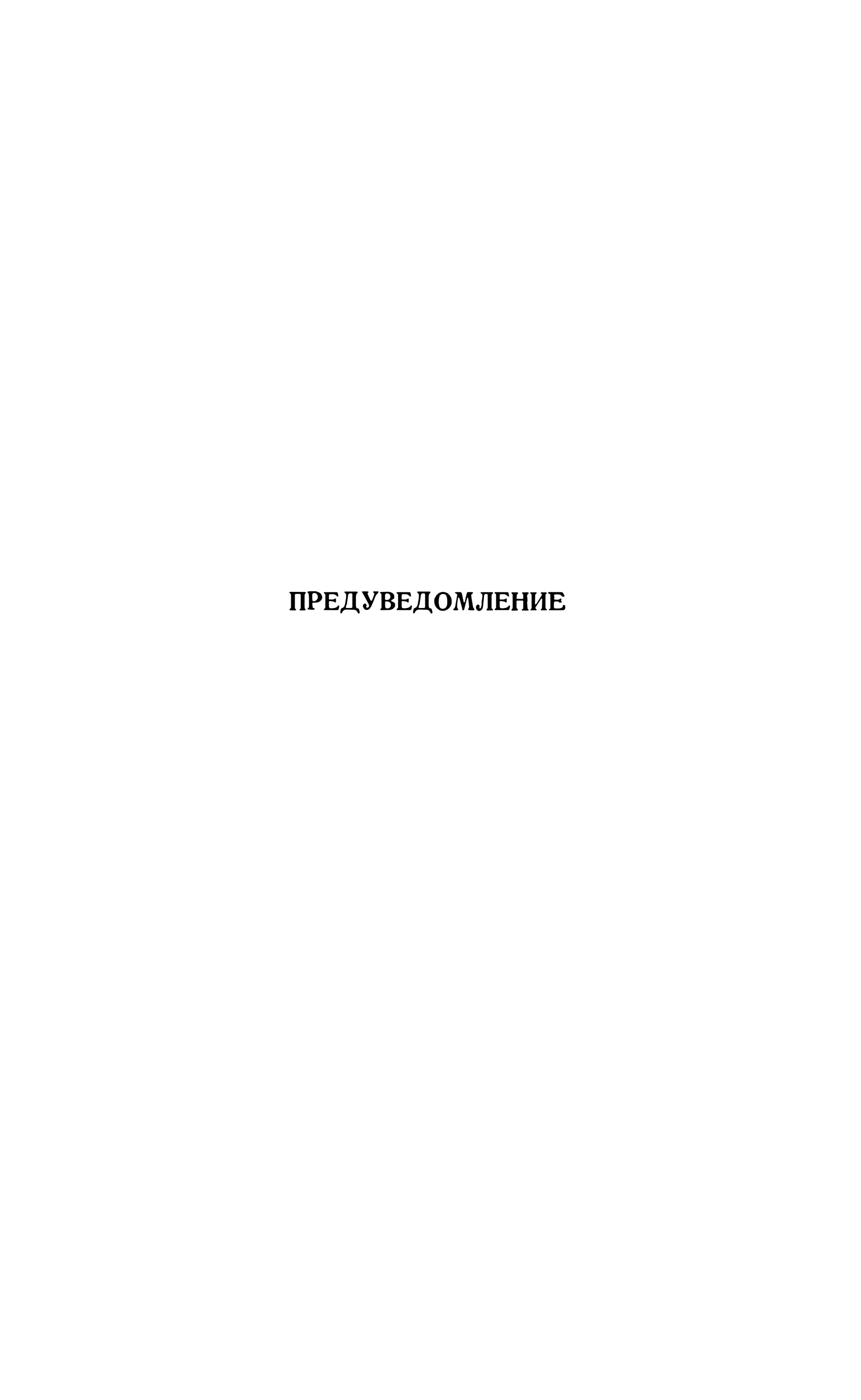
ИЗДАНИЕ «НОВОГО ЖУРНАЛА»

НЬЮ ИОРК • 1968

Printed in Spain

Depósito Legal: M. 8.914 - 1968

Imp. R. T. Suc. de Vda. de G. Sáez.—Mesón de Paños, 6. Madrid

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

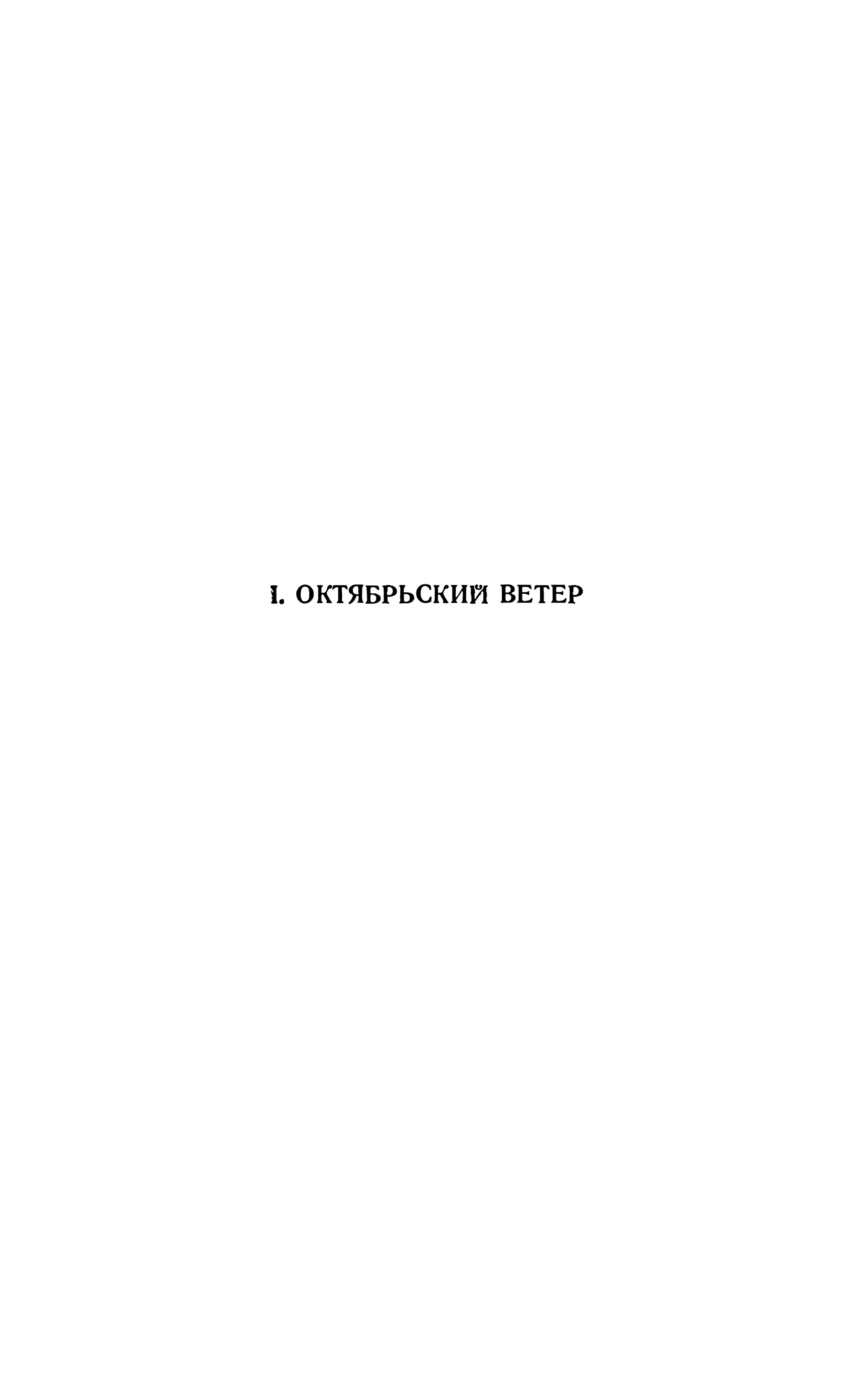
САД

Рыба смотрит из пруда
На кусты сирени,
Но мешает ей вода
Видеть их цветенье.

Так и души, каждый день,
Из своей ограды,
Видят в мире только тень,
Только отсвет Сада.

ТРЕТИЙ РАЗБОЙНИК

Он удивился... Близ Христа
Стояло только два креста,
Для левого и правого злодея,
Кресты стояли медленно темнея,
И не было иных. И Ад
Был в первом. Во втором был Сад.

I. ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

I

Стихи не созданы для мыслей тесных.
Есть чудотворство в ливне легких строк,
Они ведут нередко на порог
Прямолинейности простой и честной.
Им не чужда и пыль сухих дорог
Философов, логичностью известных,
Которым целый мир не по пути.
К стихам с доверьем надо подойти.

II

Давайте легкой строчкой в облака
Смотреть через узор весенних веток.
О синеве поговорим слегка,
Без всяких педантических заметок,
Чтоб чувствовалась вечности рука.
Такой рассказ теперь уже не редок, —
Все больше мы глядим не на вину,
А в радостную неба глубину.

III

И зря поэт дидактикой старинной
Хотел бы снова душу привести
На устаревшие уже пути
К тамбовской тетушке на именины,
Где всякий речь обязан повести
В известных строгих правилах гостиной,
А что не так, то это «нигилизм»...
Таков сейчас московский р е а л и з м.

IV

Давно идут о реализме споры.
Белинский на земле его искал,
Синявский в этом деле пострадал.
Партийности высокой идеал
Под реализмом понимает ш п о р ы,
Иль, букву «пе» проглатывая, ш о р ы.
Неясно и достаточно капризно
Бывает пониманье реализма.

V

Втупик поставлен древний конь Пегас, —
Как стать ему конем широких масс
И возлетать навстречу вдохновеньям?
Бывает, конь и сбрасывает нас,
На радость молодому поколенью.
Социализм в душе — еще не пенье.
К поэзии душа открыта будь
И справимся с проблемой, как нибудь.

VI

Задаче покоряясь немудреной,
Поэтов стричь под номер нулевой,
Цензуру ввел партийный рулевой,
И Солженицына мы слышим стоны.
Идет, во всем довольная собой,
Цензура пресная на мир соленый.
Партийным стал и пушкинский зоил,
По сложной диалектике чернил.

VII

Поэтов наших надо умудрять,
Чтоб не являлся в людях дух крамольный,
Чтоб мавзолея принцип богомольный
На площадях московских мог витать.
К тому же, коммунизм есть дух застольный,
Жизнь здравицами надо заполнять,
А тут еще какие то поэты
В поэзии хотят устроить гетто.

VIII

Октябрь России — месяц увяданья.
Не много дней веселых в октябре.
Октябрь есть также месяц ожиданья,
Догадок о грядущих замерзаньях,
Гадания о жизни на земле
И русских споров о добре и зле...
Ведь русская натура, как ни кинь,
Добру и злу всегда выходит клин.

IX

Добро и зло за все у нас в ответе.
Жизнь включена в созвездие добра,
Но зло всегда скрывается в поэте,
Коварно капая с его пера.
Нет пользы в человеке-Магомете,
Когда есть неподвижная гора;
Горе же имя — удовлетворенье
Недвижной диалектикой движенья.

X

И диалектика окамененья
Представлена у нас такой горой
На боевых октябрьских представленьях.
Дух пропаганды, шумный и нагой,
С трибуны проливается дугой
К безмолвным историческим ступеням.
Такая диалектика сполна
Природой Октября утверждена.

XI

Стоит Октябрь всегда в своем зените.
Он без конца шумит в стране моей
И стольких погубил уже людей.
На всех бросался и кусал сердито,
Историков, генетиков, врачей,
Чьи имена известны и сокрыты,
Умучивал... Но мецената вид
Он принимал... И тучею висит

XII

Над русскою зарею и культурой:
«П р и р о д у и з м е н я е м»!.. Стыд какой,
Цинично так и странно балагурить!
Сперва взойдите солнцем над рекой,
А после начинайте процедуру
Природоизмененья под рукой.
Все громкие партийные решенья
Бессильны пред одним стихотвореньем.

XIII

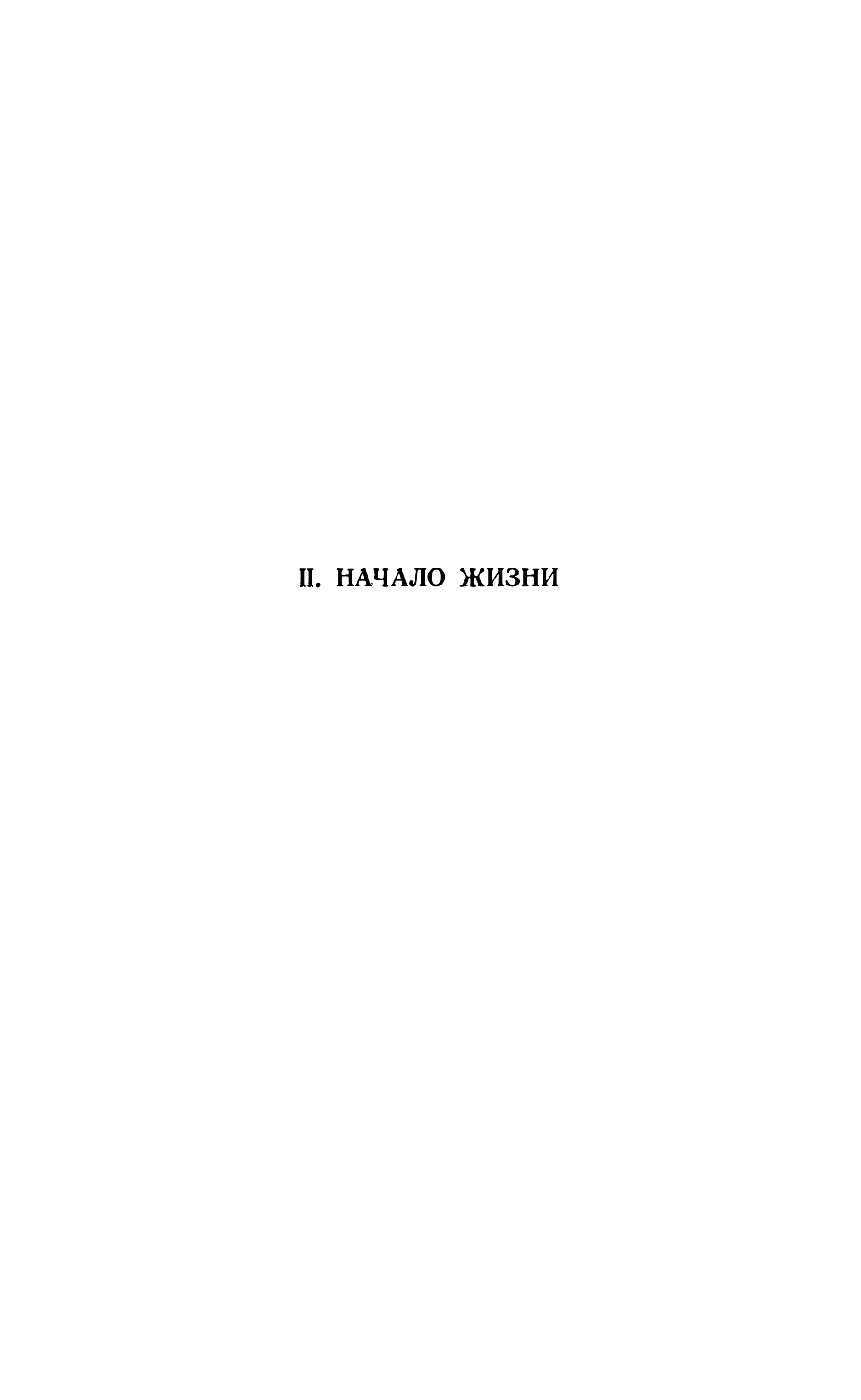
Не ждановским седым ученикам,
Экспертам по непрочным башмакам,
Постановленья делать о культуре,
Нотации читать литературе
И бить поэтов русских по рукам.
Но зыбь комчванства, этой тяжкой дури,
Российские качает корабли.
Простите нас, все месяцы земли!

Спит Октябрь под саваном холодным
На дороге северных ветров.
И стоит все тот же пес голодный,
Лает из семнадцатых годов.

Он стоит и лает на созвездья,
У трибун колышатся древки
И тромбон революционной меди
Бьет в свои пустые кулаки.

На трибуне будто видны люди,
Лица неизвестны никому.
Громкоговорители безлюдью
Возвещают шумной ночи тьму.

Из широкой, одинокой сини
Слезка льется звездочки одной;
И треща, катаясь по пустыне,
Фейерверк смеется над землей.

II. НАЧАЛО ЖИЗНИ

XIV

Земных дорог нельзя нам избежать...
Меж войнами, китайской и японской,
В моей Москве меня родила мать.
Мне кажется, я сразу стал дышать
Парижским воздухом и пошехонским,
Деревней Левиных, Москвой Облонских...
Широкая готовилась езда,
Но растрепалась русская узда.

XV

И революция пришла, — подъем
Каких то сил хороших и отвратных.
Все детство шло мое в быту простом
Усадьбы тульской... Было мне приятно
Будить поля на беге скаковом.
И вспоминал я в жизни многократно,
Как с детских лет была дана мне милость —
Знать русской красоты неуловимость.

XVI

Бывают в революциях черты
Дыханья очистительного бури.
Но фурии — других гоняют фурий.
И, в эти годы столько русской дури
Вошло в подвал российской простоты.
О, если бы, Россия, знала ты,
Что русский Кирибеевич удалый
Во все эпохи думал очень мало.

XVII

Чтоб стал я человеком волевым,
Учила мать меня и по деревьям
Высоким лазить. А крестьянский дым
Считать своим. Я помню свадеб время,
На молодых просыпанное семя, —
Я «косу продавал» за пять алтын
В избе, где русской теплоты напор
Мог удержать на воздухе топор.

XVIII

Лицей, который Пушкина взрастил,
Воспитывал поэтов неохотно.
Учил однако юношей добротно,
Министров, дипломатов мастерил.
И я учился там, не тратя сил.
Стихи писал, конечно, беззаботно...
Так, ради важности, мы возвестим,
Что Пушкин был товарищем моим.

XIX

А тайным другом был моим Толстой
(Поэта разумею, Алексея).
Его стихи, от радости бледнея,
Читал я в летней комнате пустой.
Мне нравился в них аромат густой
Природы русской, теплых трав настой,
Дух веры светлой... Юмором здоровым
Он радовал, Поповым и Прутковым.

XX

И, помню я, в семнадцатом году
Пришлось мне часто ездить мимо дома,
Где человек с бородкой, незнакомый,
Сулил довольство, обличал беду.
Истории я не расслышал грома, —
Пусть это будет к моему стыду.
С балкона Ленин говорил народу
И обещал всем счастье и свободу.

XXI

А я лишь мимо дома проезжал
И мимо революции... Плодилось,
Ораторов, не счесть. Всяк возвещал
О «новой эре», — так разголосилось
Людей порядком. Человек — Тантал,
Он любит, чтобы что то подносилось
К его устам, он любит дух питья...
Весь мир тогда питьем был для меня.

XXII

На Каменноостровском, стороной
Историю я видел... И со мной
Случилось то, что с русскою душой —
Волчком она крутилась года три,
В историю, читатель, посмотри.
Хотя ее и «врут календари»,
И не всегда мудры ее рассказы, —
В ней правду видишь из неправды разной.

XXIII

Мы жили не заметив Октября.
Родителям крестьяне отплатили
За ласку их. Именье не громили.
Но помню я то утро, в нем заря
Еще не занималась. Окружили
Наш дом чужие; конные явились.
Был обыск, шум,плач женских голосов.
Мать повезли за тридцать верст в Венёв.

XXIV

Так революция до нас добралась.
Не сеять, а пахать ей назначалось.
Победы первые всегда легки,
Ладьею царской плыли старики,
В руках дряхлеющих была усталость.
Гребцов сменили... Берега реки
Красивостью кисельной всех манили.
Но люди так до них и не доплыли.

XXV

С Дзержинским я беседовал в Москве.
Лубянка в этот год была открыта.
Дзержинскому я подал просьбы две
О матери. Сидела мать в Бутырках.
Отец из Тулы выслан был, жил скрыто.
Пришлось моей работать голове.
А каковы мы были, скажем кратко:
Мне было ровно полтора десятка.

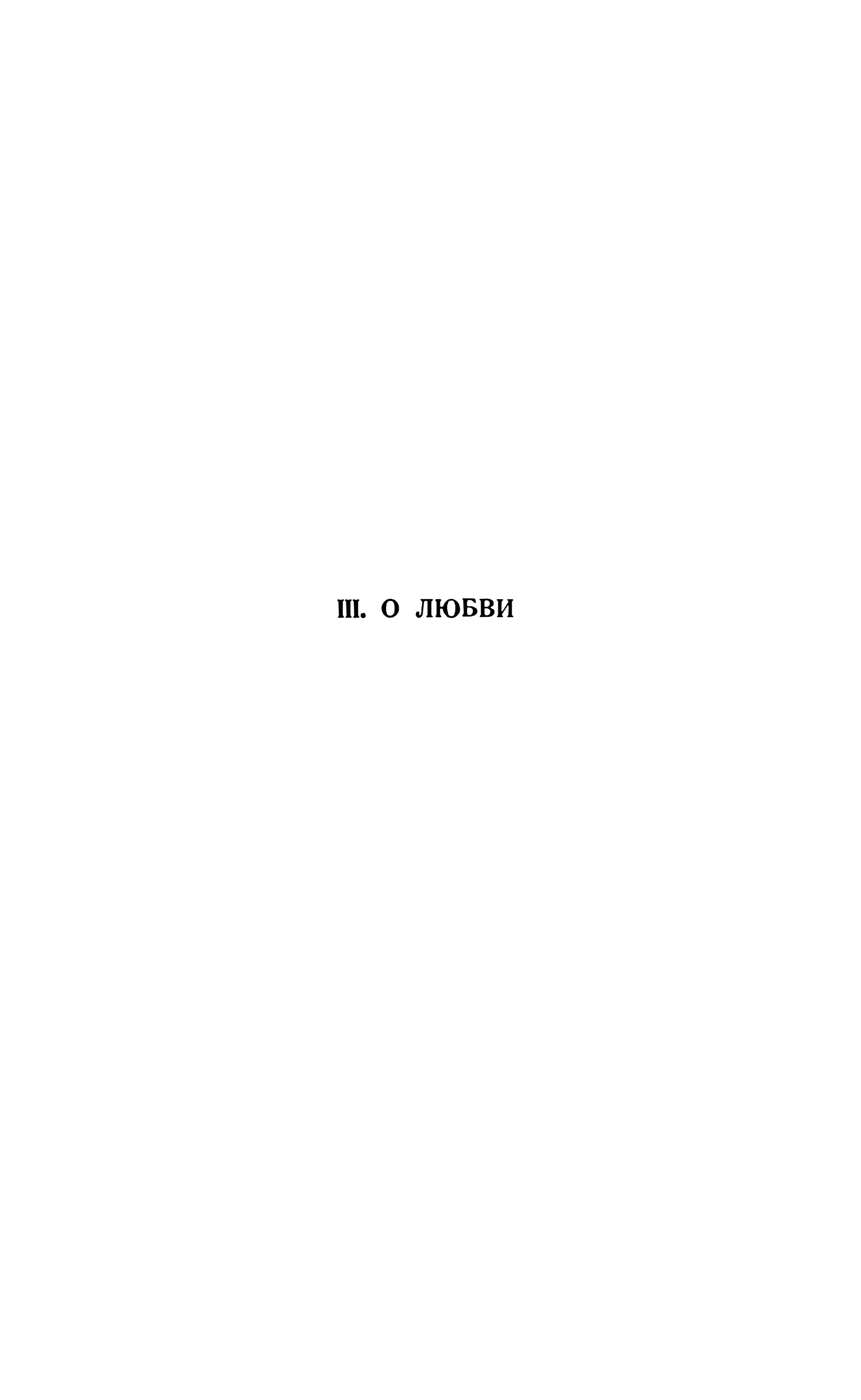
XXVI

С тех пор прошло полвека. Первый след
Скитальчества оставил я в России.
И Странником я обнял целый свет,
Все люди стали для меня родные.
Не помнит молодость обид и бед,
И не оплакивал я «дни былые».
Учился я в Париже. И был вхож
В тот клуб, где председательствовал Фош.

. . . .

Должно быть всем теперь понятно, —
Стихи не могут петь, как медь.
И не должны, как облак ватный,
Над безразличностью лететь.

Но надо, чтобы непрестанно
Соединять стихи могли
Тяжелозвездные туманы
С прозрачным воздухом земли.

III. О ЛЮБВИ

Пусть рифма на любовь не создана,
Ей может быть одна любовь ответом;
Поэзия, большой любви страна,
Которую не знают в мире этом.

В долинах мира тот же зреет лед
И крепнут виноградные настои;
А над поэзией любовь идет
И солнцем, и туманом, и звездою.

Слова любви твоей всегда бедны,
Но, бедностью овеяны великой,
Они родят пророческие сны,
В своих невнятных шопотах и криках.

XXVII

Возможна ли поэма без романа?
Считают — за лирической игрой
Должна всегда итти своя Татьяна
И свой один медлительный герой,
Который в жизни, поздно или рано,
Порог любви преступит роковой...
План этот предлагают непрестанно.
Мы отступаем от такого плана.

XXVIII

Любовь — цветок особенный. Не ждите:
От этого цветка больших событий.
Он зреет на широких ступенях
Всей нашей жизни. Сердца легкий прах
Высоких чувств, стремлений и наитий
У нас не замирает на устах,
Оа царствует над миром; это он —
Живая связь народов и времен.

XXIX

Не сны — любовь «объемлет мир земной».
Она всегда все в новых выраженьях,
Поэзии она приносит пенье,
И в Церкви гимн великий и простой —
Ее сладчайшее осуществленье,
Когда наполнен он живой душой.
Любовь мы все несем в себе, как тему,
Таков большой роман моей поэмы.

XXX

Мы любим мать, жену, коня, да щей
Поесть мы л ю б и м, — вот она, какая
У нас любовь, бредет не разбирая
Людей, предметов... Только горячей
Все хочет стать она. А чьей? Ничьей!
Так часто здесь любовь не знает Рая.
Лишь там она неповторимо-лична,
Всегда единственна и единична.

XXXI

И надо повторять нам вновь и вновь,
Что человек и есть сама любовь,
Как «образ и подобие»... Но кровь
«Любовью» самолюбье называет,
И ревность в ней безумно возникает,
И человек, своей любви не зная,
Обманутый на смерть самим собой,
Себя ввергает в темный призрак свой.

Любовь идет. И нет уже иной
Нам цели жизни в этом мире странном,
Как только жить любовию одной,
К ее незримым прикасаться ранам.

Любовь идет бессмертием в уста
И открывает все миры вселенной.
Сойди ж в нее земная красота,
Последний этот луч на небе тленном.

IУ. ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

XXXII

Есть бестолковость в снах. Движенье их,
Наполненное часто странной драмой,
Не уяснимо силой слов простых,
Ни логикой мещанственно-упрямой.
Как будто наши сны всегда пусты,
Но все же есть и в них своя программа.
Их сокровенный и жестокий базис
Так и не мог открыть психоанализ.

XXXIII

На странный сон похож любой парад.
Как будто все идут, однако ж — спят.
Все шествуют в немом оцепененьи.
В парадах нет людей, одно движенье,
Сомнамбулами все идут подряд
И между ними стекла средостенья...
Искорененье личного блаженства
Октябрь довел уже до совершенства.

XXXIV

В нем цели подчинилось все одной —
Устроить мир пониже головой.
Пред этой целью надо всем сгибаться,
Для этой цели надо всем сбираться,
Материей казаться мировой.
И этой странной цели домогаться
Обязаны писатели... И прах
О том уже кричит на площадях.

XXXV

И Маяковский крикнул: «Хорошо!»
Но — мрак вокруг себя потом увидел.
И в этот мрак холодный он ушел,
Себя своею пулею обидя.
Но крик его остался над землей
Несовершившимся его открытьем.
Совсем *не то* увиделось ему,
И *хорошо* — сказал он — *не тому*.

БАЛЛАДА О НЕУМЕЛОМ СЕРДЦЕ

Как писать ее, не знаю,
Эту горькую балладу.
Ведь у белых яблонь Рая
Начиналась песня хлада.

Не о красном русском лете
Я свои слагаю строки.
А о смерти и поэте
Тут на свете одиноком.

Гулко шел он Гулливером
По стихам, снегам России
И холодным револьвером
Все грозил в гробы немые.

Строки капают, как слезы
На платок страницы белой.
Он поэт совсем не грозный,
Только — сердцем неумелый.

И любовь к нему прильнула
Лишь одним комочком серым,
Словно шла она из дула
Ледяного револьвера.

XXXVI

Я не поклонник вечно новых мод.
Неудержимого коловращенья
Идей... Но моды есть «наоборот» —
Идей давно изжитых утвержденье.
Теорий многих миновалось мненье,
А все они маячат у ворот.
И, до сих пор, иные с Молешотом,
В себе всё видят обезьянье что то.

XXXVII

Нам Гейзенберг и Нильсен Бор урок
Блистательный дают своею школой.
Но не идет материалистам впрок
Передовой науки шум веселый.
Для них все те же Фейербах и Фохт
С Кооперником гуляют в новоселах.
И Энгельс им все время открывает
Все то, чего они еще не знают.

XXXVIII

Поэзия российская смирилась,
Под камень у дороги прилегла,
Не видно молний у ее чела,
С волнением своим она простилась
И даже, слышно стало, собралась
Купить себе цветущую могилу
У Переделкина, где соловей
Поет средь опустившихся ветвей.

XXXIX

Найди поэзия, свой дух вселенский,
Возьми весь мир за сонные бока.
Онегин умер, пусть воскреснет Ленский
И скажет, что земле не досказал.
Мы слышим, Евтушенко, Вознесенский
Подняли за поэзию бокал.
Пусть ей откроют вечности дорогу,
Но за нее пусть пьют не слишком много.

XL

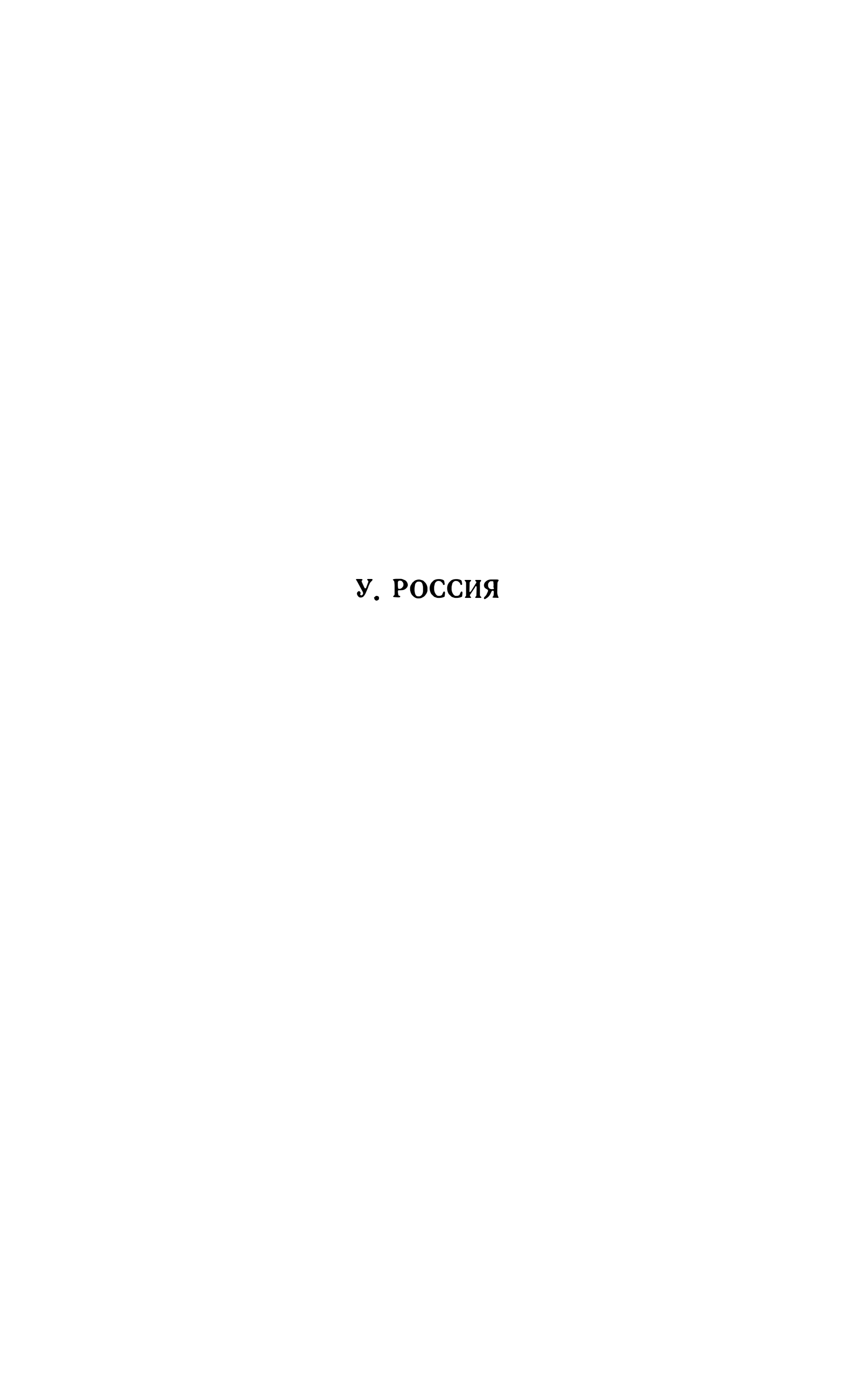
Так быстро наше время на земле,
К чему нам думать о вещах вторичных.
Мы все проходим цепью историчной,
Но есть еще вопрос о нашем зле
И подойдем к нему реалистичней.
Лежит у нас покойник на столе,
Поговорим же тут без уклонений
О страшном человека разложеньи.

XLI

«Материя», «случайность» — не ответ!
Случайности случайной в мире нет,
Случайности от века не случайны, —
Расчислены движения планет,
Зажжен квазаров пламень чрезвычайный.
В необозримых звездных океанах
Пылинка движется, земля. На ней
Я говорю торжественно о ней.

Мир умирает в смутных наслажденьях,
А жизнь идет над чистой глубиной,
И нет на свете радости иной,
Как радость вдохновения и пенья.

Потоки мутные несут свой ил,
Но звезды зажигаются над ними.
Земля, пристанище пустых могил,
Мерцает небу песнями своими.

У. РОССИЯ

XLII

Я символы люблю. В них есть простор,
Они представить истину умеют.
В них мудрость человеческая зреет.
Чрез символы и небо шлет укор,
Иль одобренье людям. До сих пор
Из символа рождаются идеи.
Кто символ расшифровывать привык,
Тот понимает вечности язык.

XLIII

Нам новый месяц нужен для земли,
Не только для мыслителей, поэтов.
Нам нужно в мире, чтобы все могли
Поговорить о правде, о любви
И о свободе, может быть, при этом.
Где месяц человечностью согретый?
Нам этот месяц так необходим.
Давайте этот месяц создадим!

. . . .

XLIV

Я шел к молчащим русским городам
И проходил селения простые.
Мне открывалась тихая Россия
И я внимал ее святым устам.
Без третьих лиц, я души слушал там,
Прямые чувства и слова прямые,
И радовался русскому уму
И плакал, сам не зная почему.

XLV

Желали все в России упразднить
Октябрь, с его хуленьями густыми
И с полотнищами его пустыми, —
Торжеств его и празднословий нить
Порвать. Открыто славить Божье Имя.
И речи пустозвонность отменить
Хотели не по чьим то указаньям,
А в новом свете жизнепониманья.

РАЗГОВОР С КОСМОНАВТОМ

Мы совершить большой полет смогли
С одним известным русским космонавтом.
И я спросил, кто Автор всей земли?
Кто неба удивительного Автор?
Ответил мне космический герой,
Слегка прикрыв свой микрофон рукой:
Учились, молодые мы, с азартом, —
Хотели небу дать колхозный строй;
Но не была достойною игрой,
Игра в атеистические карты —
Пред звездами, пред солнцем, пред луной.
Нам путь остался только в пропасть Сартра
Иль к Истине Божественной одной.
Теперь мы сходим все с партийной парты,
Мы истины хотим. Вот молодой,
Смотрите, месяц... Мир большой рекой
Над ним сияет... Входит наше знанье
В благоговение и созерцанье.

XLVI

Нам надо чтить земли своей поэтов,
Что не играют с Октябрем пустым.
Андрей Синявский заплатил за это,
За право быть собою, быть **и н ы м**,
Не воскурять бесстыдной лести дым
Пред человеком, или пред декретом.
Для доблести и совести рождала
Ты тех, земля, кого потом пожрала.

XLVII

Октябрьский постоянный юбилей
Есть торжество абстрактного искусства.
Лишь этим удивляет он людей,
Доступных непосредственному чувству.
Средь звезд его гуляет Водолей,
Герой дозволенного свыше буйства.
Но, впрочем, водолейный бунт недолог, —
Там могут лишь кричать, что нет иголок.

XLVIII

Октябрь — не календарный только звук.
Он — вековых греховностей сплетенье,
Он — духов изгоняемых боренье,
Он — темный перед вечностью испуг
И времени глухой, порочный круг,
И слов невероятных наводненье...
Но, в громкой пустоте его хлопушек,
Расслышать можно рев голодных пушек.

XLIX

Матерьялизм холодный и упорный —
Вот Октября яснейшая печать!
Он землю нашу хочет спеленать
Теорией своею старомодной.
«Материя — родная людям мать!»
Он говорит напористо и вздорно.
«Материю» — ЦЕКА своих пустот —
Октябрь за сущность жизни выдает.

L

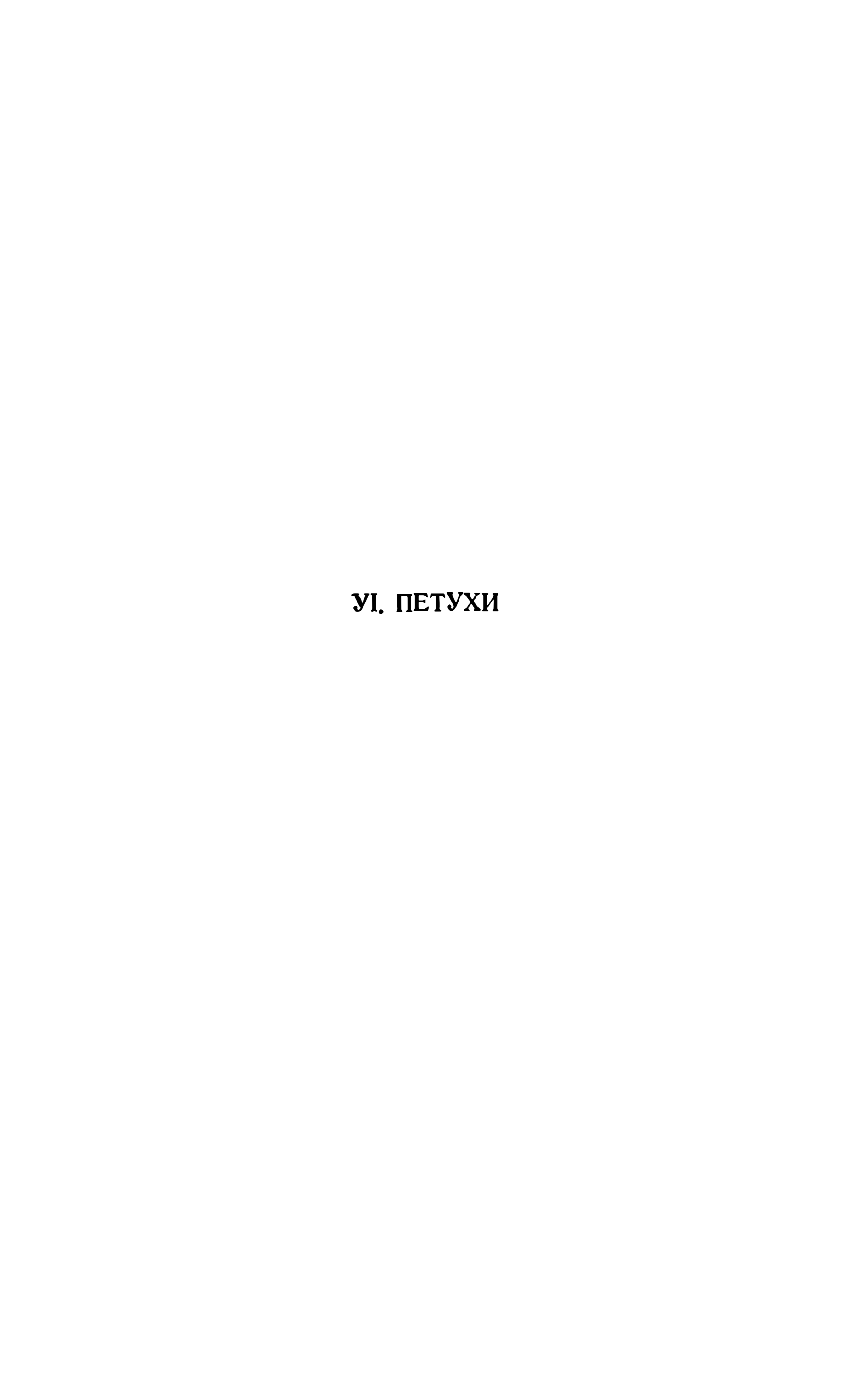
Октябрьских скучных песен эпигоны
Все отдадут за дачу и за власть, —
И Маркса злость, и Ленина законы,
Все отдадут, чтоб только не упасть.
Но, вот, ни за какие миллионы
Они не отдадут слепую страсть
Живую душу отрицать — и снова
Бороться против Бога Всесвятого.

LI

Таков Октябрь тщеславный и пустой
С нацеленною властью над душой.
И собственность отверг он для того,
Чтоб собственностью стали все его...
Не обессудь меня, народ родной,
За простоту сужденья моего.
Я не холодный европейский скептик
Пред маревом казенных диалектик.

«Лови воров», кричат по перекресткам.
А люди на углах своих стоят,
Беззвездной тьмой закрытые до пят,
И дождь по ним сечет холодный, хлесткий.
И никому нельзя пойти назад.
А впереди гроза и гулкий град,
И нет домов — сколоченные доски
Вокруг людей, как тысячи преград...

А был когда то мир, как Божий Сад.

VI. ПЕТУХИ

LII

Я не пристрастен. Мне Октябрь помог,
Не стал министром я, ни дипломатом,
Не разукрасил тленный свой чертог,
За прах земли я не судился с братом.
Увидя Свет среди моих дорог.
Я в каждом человеке вижу брата.
И в этом, искренно вам говорю,
Отчасти я обязан Октябрю.

LIII

Мы все грешили в старые года
Сословною корыстью, равнодушьем
К простым, живущим в этом мире душам.
Мы помогали братьям не всегда!
И вот стекла дворянская вода,
Изъездив облака, моря и сушу,
Я понимаю, что случилось тут, —
Благословен великий Божий Суд.

LIV

Из этого простого заключенья,
Читатель выведет легко, — во мне
Нет ни малейшего ожесточенья.
Своей судьбой доволен я вполне,
Иного не желаю положенья.
Прошедшее осталось, как во сне
И все растет, растет моя осанна,
От милостей Господних непрестанных.

LV

Я был на Патриарших тех прудах,
Когда герои одного романа
Молниеносно обратились в прах.
Им истина открылась первозданно,
Но ум их диалектикой пропах
И повели они себя так странно.
Герой отверг светильник жизни свой
И тотчас поплатился головой.

LVI

Средь общества московского, рассказ
Булгакова был принят с пониманьем.
Все поняли, Октябрь уже угас
И даже не оставил завещанья.
Мы без труда, по выраженью глаз,
Увидели умов голосованье.
Ревизия свершилась Октября, —
Он «жить велел», точнее говоря.

LVII

Октябрь народом русским упразднен.
В России он сейчас сухая ветка.
Он на стволе совсем других имен
И чаяний большого человека.
Смеются русские над ним так метко,
Так здраво и легко со всех сторон,
Что понял я, с лирической отрадой,
День подошел — писать поэму надо.

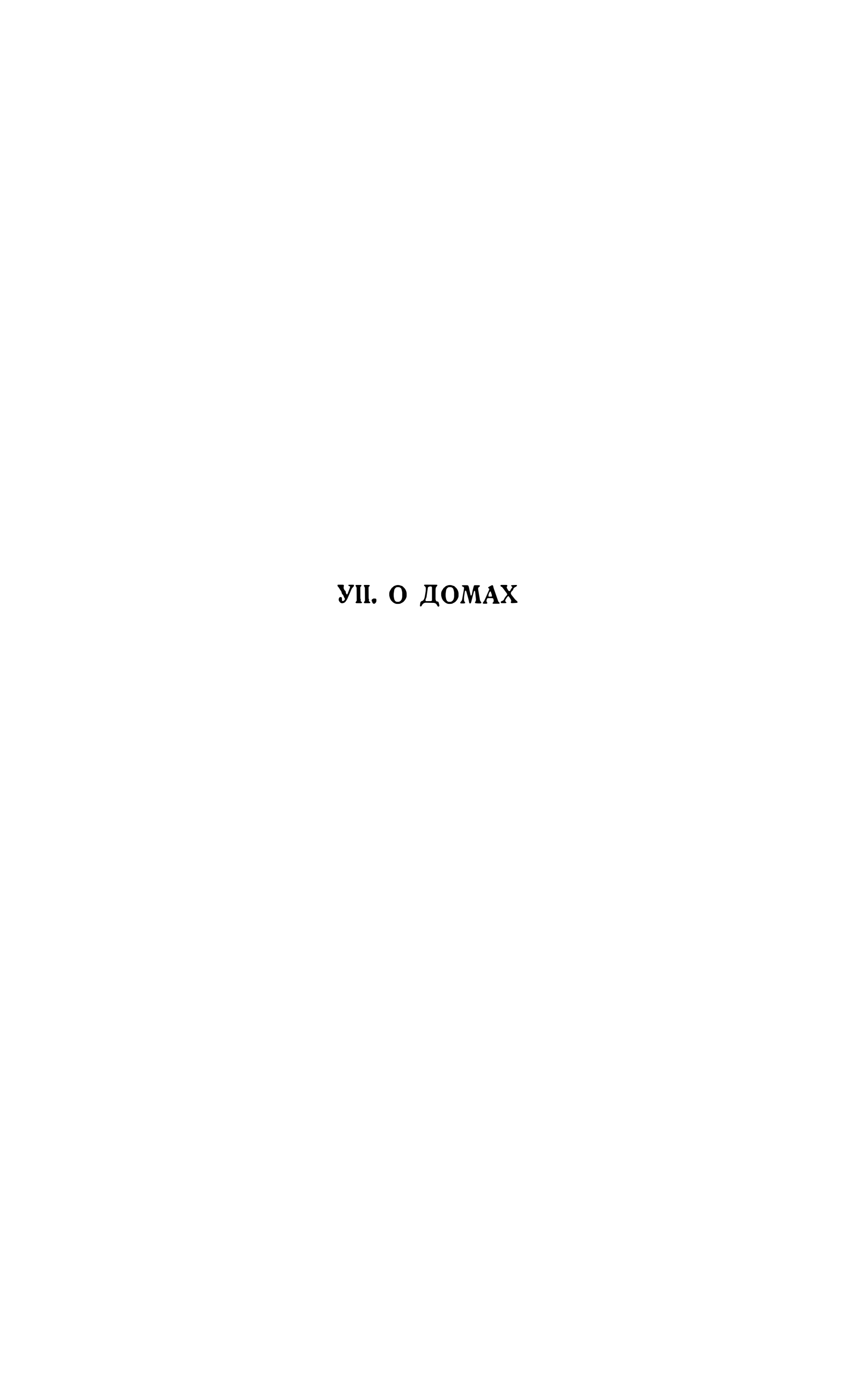
LVIII

И начал я слагать свои стихи
О правде, о любви и о свободе.
Увидела душа свои грехи
За эти баснословнейшие годы...
Скрываются страданья от народа,
Есть мера у страданья... Петухи,
В себя приняв разбитых звонниц медь,
Уже над Русью начинают петь.

«...и тотчас запел петух»
Ин. XVIII.

Петухам заря велела петь
О познаньи светлого сознанья.
Влита в петушиный голос медь
Одиночества и покаянья.

Много есть пристанищ у Отца,
Гаваней без бури и без боли.
Петухи в людских поют сердцах,
Петухи поют о Божьей воле

УII. О ДОМАХ

LIX

Мы друг для друга жизни новой весть,
Свет познавания и узнаванья.
И в наших встречах исцеленье есть
И расстояния и расставанья.
Пусть будут наши вдумчивы желанья, —
Слагается о жизни нашей песнь,
Чтоб всякий мог когда нибудь найти
Уют поэмы на своем пути.

LX

Какой нибудь пиит односторонний
Улыбки может быть не оценит.
Но я люблю огонь своих ироний.
Ирония есть меч, она есть щит.
Она огонь, она всегда погоня.
Себя творя, она себя таит.
Она давно в моих стихах все крепла,
Веселой молнией под грудой пепла.

LXI

У всех домов имеется фасад
И разные бывают интерьеры.
Есть черный ход, устроен где то склад
Вещей ненужных людям, скучных серых.
Бывают здания не без заплат,
Иль старые, и требуется вера
Чтоб поселиться в них, — неровен час
И дом такой вдруг похоронит вас.

LXII

И социолог должен понимать,
Что в каждом обществе, в душе, в народе,
Мы, люди, строим разные дома
Противные самой людской природе.
Их словно жизнь не строила сама,
А в руки сунула нескладной моде.
И грустно видеть мне хороший дом
На месте пыльном, грязном и пустом.

LXIII

Нескладен дом иной, как ни гляди, —
То слишком уж роскошно впереди,
То сзади, как то, слишком неказисто.
Бывает, дом имеет облик чистый,
Но ты в него без света не входи,
Запачкаешься, даже у министра.
Мы в жизни часто строим без ума.
И нас все учит, учит жизнь сама.

КРАТКАЯ БАЛЛАДА О КРОВАТИ

Дана кровать на много лет,
Но жизнь ее узка.
Здесь человека легкий след
Уходит в облака.

Стоит кровать у всех дорог,
Как жизни нашей дверь
И, как медлительный порог
Бесчисленных потерь.

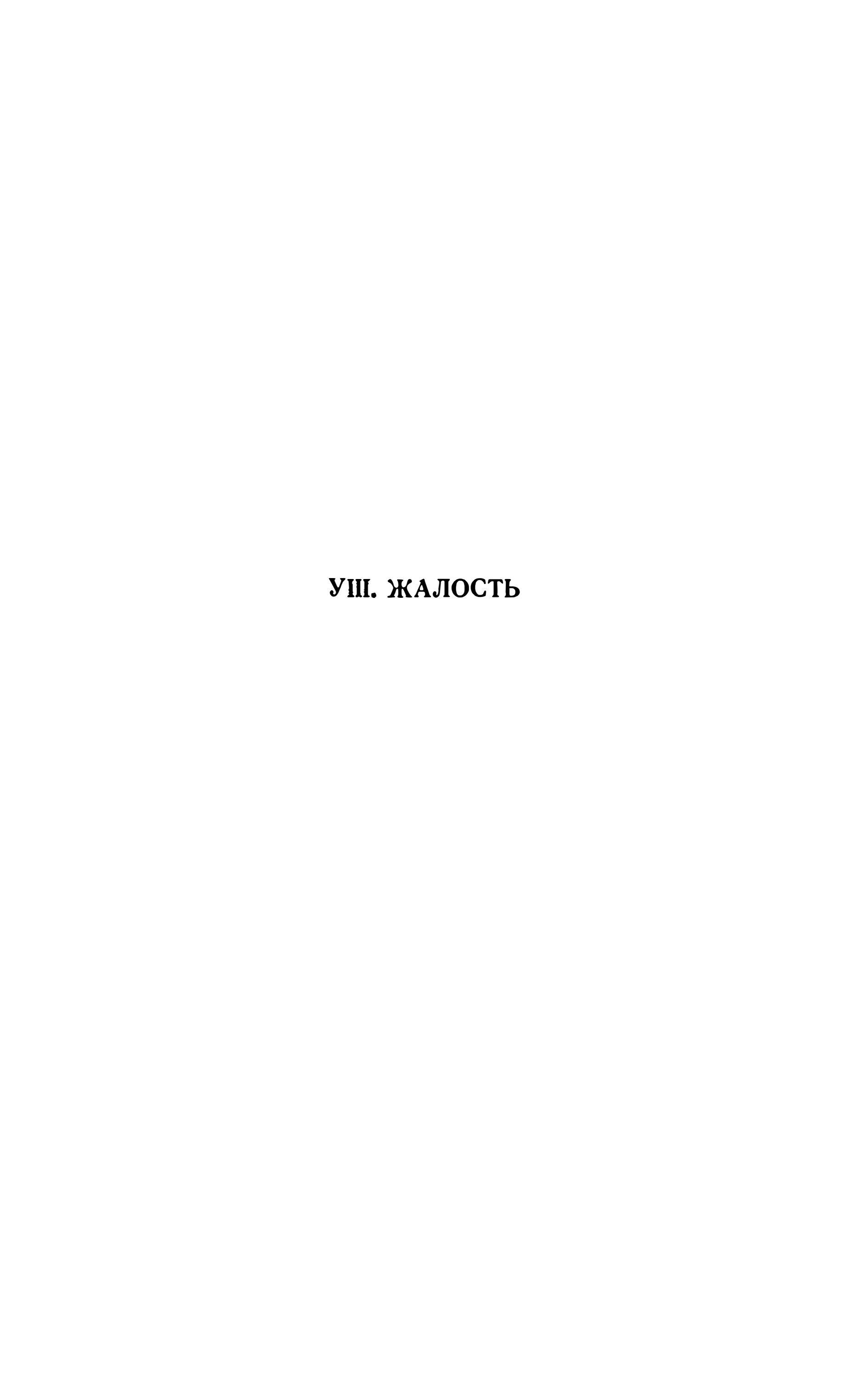
Нагроможденье вещих снов
И радостей пустых,
Она бессмысленности ров
И берег высоты.

LXIV

Конечно, всяк себе противник первый.
Сужденье сердца — горе для ума.
И тут не надо говорить о нервах,
Ведь нервы, это лишь стекло окна
Души твоей... Равенне и таверне
Честь воздается, в окнах, не одна.
Хоть рассужденья эти, в общем, верны,
Но сердце — смесь таверны и Равенны.

LXV

Как хорошо увидеть новый дом,
В его удобном замысле простом.
Какое это право наслажденье
Замыслить дом, осуществлять в терпеньи,
Владеть умом, играть воображеньем
И поселиться после в доме том...
Давайте дом такой построим вместе
На самом лучшем и красивом месте.

УIII. ЖАЛОСТЬ

LXVI

Нам говорят искатели причин:
«Религия уводит в нереальность...»
Не будем мерить их на свой аршин
И с ними говорить патриархально.
Язык реальный мы предложим им
И кой о чем поговорим детально.
Лишь облачко одно держа слегка,
Сойдем в их мир, оставив облака.

LXVII

Заслуга несомненная Хрущева,
Что сбросил маску он с кривых затей.
Но маску ту надел потом он снова
На горести земли своей детей.
Явилась новой грамоты основа,
Но буквы пропускает грамотей.
Нет, не одних партийцев истребляли
Ежов, Ягода, Берия и Сталин!

О КРАСНОМ ПЕТУХЕ

«...и жег людей сильный зной»
Откр. XVI

Загулял петух по кругу,
Заходил к врагу и другу,
Не в аду, не в небеси,
А на всей земной Руси.

Открывал петух все двери,
Разносил пожары в перьях.
Краснопёростью богат,
Много сжег петух палат.

Перья красные дымились,
Стены русские валились.
Жег петух дела людей
Краснопёростью своей.

LXVIII

И надо нам теперь земле сказать
Ту правду, что в России люди знают.
Ведь даже «Правде» стало скучно лгать:
Луну и землю важно обтекая,
Она к земле спускается опять,
Но более земли не достигает.
И кружится партийный космонавт
Средь всяких в космосе застрявших правд.

LXIX

От зеркала разбитого осколки
Всё катятся, людей бросая в дрожь...
Иван Денисович все давит вошь,
Джилас гуляет по глухим проселкам,
Рассказывает Гинзбург дело толком,
Как коммунистам — «коммунизм даешь!» —
По всяким их горкомам и парткомам,
Октябрь вколачивали в горло комом!

LXX

Мне жалко коммунистов. Жалко всех.
Всяк человек по своему мне дорог.
Злорадство над людским несчастьем — грех.
Всем враг Октябрь... Кто пятьдесят, кто сорок,
Кто двадцать лет октябрьский нюхал порох.
Строительства ударного успех
Соединил, октябрьской годовщиной,
Могилу Братскую с ее плотиной.

О БЕЛОЙ ВОРОНЕ

Белая ворона
Села у окна.
Расскажи ворона,
Отчего бледна?

Не бледна я, сестры,
Вовсе не бледна.
Ты скажи, ворона,
Отчего седа?

Не седа я, сестры,
Право не седа.
За какою славой
Ты пришла сюда?

Не хочу я славы,
Чести не люблю.
Почему ворона,
Ты уже в Раю?

Не годна я к Раю,
Сестры, не годна.
Плохо я летаю
Там, где белизна.

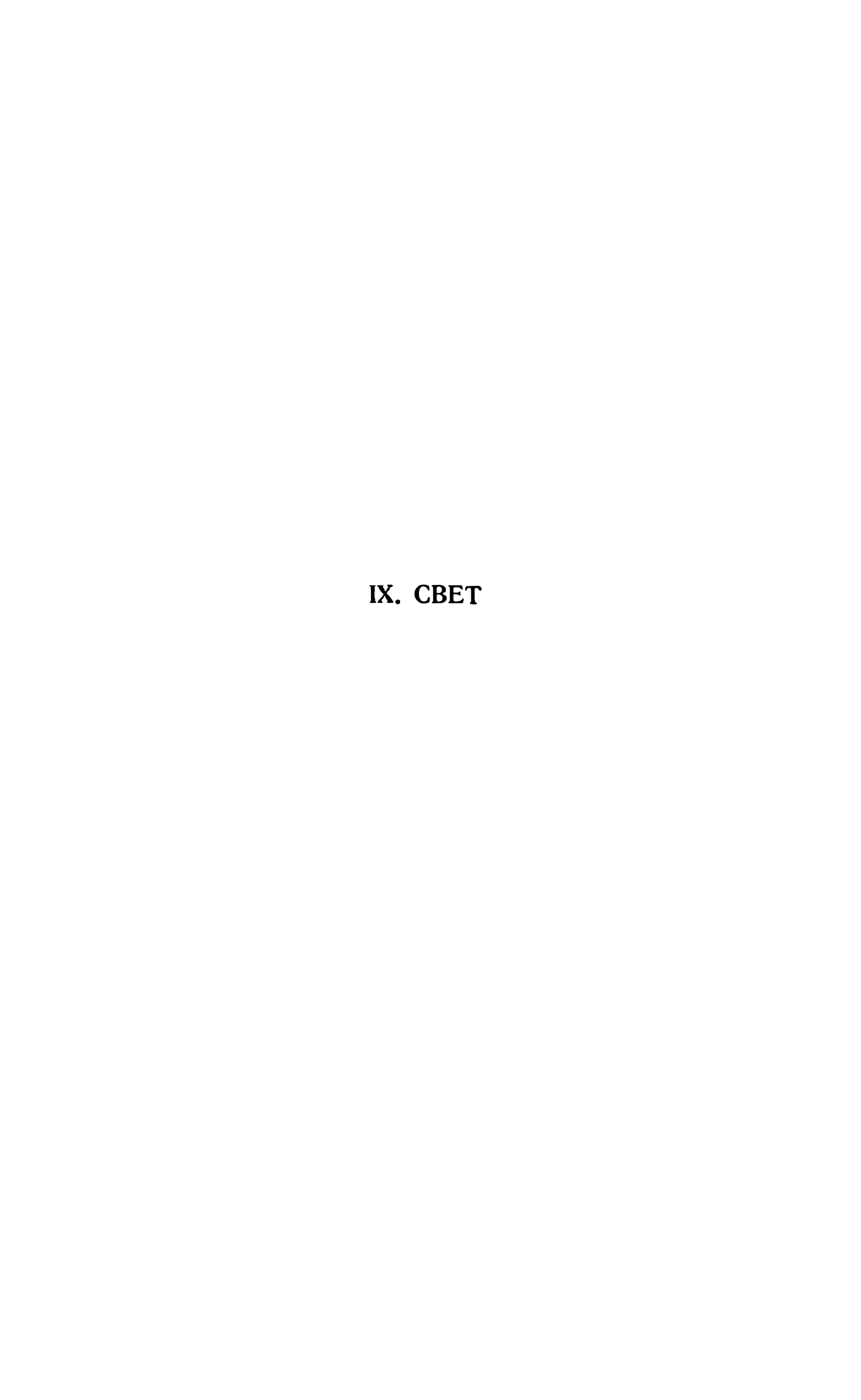
Ну, иди ворона,
В наш вороний суд:
Объясни ворона,
Отчего ты тут.

LXXI

Российская поэзия жива.
Живее все она и дерзновенней,
Но подо льдом идут ее слова,
В своем течении благословенном.
Склоняется пред прошлым голова,
Встает земля, в преданиях священных,
И все слышней несут России зов
Владимир, Суздаль, Сергий и Рублев.

МОЛИТВА О МОЛИТВЕ

Молитву, Боже, подай всем людям.
Мы так немудры, а — всех мы судим.
В нас нет молитвы и нет виденья,
Нет удивленья и нет прощенья.
Нас неба мудрость найти не может
И наша скудость нас мучит, Боже.
Дай из пустыни нам выйти ныне,
Мы алчем, жаждем в своей пустыне.
Мы дышим кровью и рабским потом,
А смерть за каждым, за поворотом.
Любовь и веру подай всем людям,
В нас нету меры, но мы не будем
Ни жизни сором, ни злом столетий —
Прости нас, Боже, Твои мы дети!

IX. СВЕТ

LXXII

Уехал я из Крыма без трагедий.
Был теплый день. Глицинии в цвету.
Я не оставил древнего наследья
В легчайшем севастопольском порту.
Еще я расскажу в своей беседе,
Все, что достойным повести сочту.
Я Странником ушел в моря иные,
Посланником свободы и России.

LXXIII

Нет я не знал Ахматовой томлений, —
Все как то проще вышло у меня.
И Севастополь, в радостном цветеньи,
И белой Графской пристани ступени
Сияли светом солнца на меня.
Семнадцать лет мне было... Свет храня
Я вышел в мир, к морям и дням сокрытым,
На корабле России и РОПИТ'а.

LXXIV

В те дни, как раз, Ахматова смутилась
От голоса утешного. Он звал
В иные страны... Голос тот не знал —
Ахматова страданью обручилась,
В ней Реквием ее уже звучал
И нес ее торжественною силой.
Был Реквием в крови ее лица,
Он вел ее к народам и сердцам.

LXXV

Историк, запиши себе не малость —
Рождалась наша жизнь в больших кровях.
И мудрость наша верою ковалась,
Переходила в героизм усталость
И озарялся мира тяжкий прах
Одной улыбкой русской на устах.
Любви страна ждала и каждый
Страдал и умирал от этой жажды.

LXXVI

Над хлебной коркой и под коркой льда
Поэты и ученые творили,
А их несли в безлюдье поезда,
Глаза им ели тучи красной пыли.
Молоха одноглазая звезда
Несла народам страх. Душе — бессилье.
Спасалась Русь, как прежде, не парчей,
А восковою тоненькой свечей.

LXXVII

Кто мог подумать, что родная дочь
Диктатора всемирного безбожья,
Скитаясь на ветру средь бездорожья,
Сквозь непрогляднейшую эту ночь,
Увидела, что и она — дочь Божья.
Все так идет, как надо нам, точь в точь.
Таинственно в Москве и многогранно
В октябрьской тьме рождается Светлана.

LXXVIII

Отцовство есть не только путь земной
И продолженье в мире крови алой.
Отцовство, есть и новое начало,
Неиссякаемый любви покой...
И надо, чтоб душа твоя искала
Над близостью земною Свет иной.
Тогда поймешь, — пустое это дело
Класть в мавзолей иль в пирамиду тело.

LXXIX

Мы знаем все, как трудно заменять
Кумира ложного — благим познаньем.
Светлане помогла, в страданьях, мать
Осуществить ее любви призванье:
Прах отряхнуть и бережно поднять
Глаза к незаходимому сиянью.
Не верьте антисталинизму тех,
Кто ленинизма празднует успех.

LXXX

Я верю, много есть еще Светлан
Средь пастбищ русского долготерпенья.
Я счастлив, что такой мне жребий дан —
Светланам возвещать о воскресеньи.
Я нахожу Светлан во всех селеньях,
Им говорю, как Странник, Иоанн.
И в тайнике над каждою Светланой
Я вижу Свет для ангелов желанный.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ

Требуются слепые,
Стучавшиеся у всех дверей,
Потерявшие Россию.
Просят придти скорей.
Оканчивается список,
На котором сполна
Всех грешных и павших низко
Написаны имена.
Будет на душах поставлена
Огненная печать.
Всех, кто прожил бесславно,
Просят не опоздать.

X. СВОБОДА

LXXXI

Длиннот классических я не люблю.
Но есть еще домашние длинноты.
Им хорошо стоять в таком строю
Тяжелых строф, несущих жизнь мою
По мировым пустотам и широтам.
В них жизнь стоит, как мед в хороших сотах.
И все мы ждем, привычкою старинной,
Что наша жизнь должна быть очень длинной.

LXXXII

Нам так легко слона из мухи сделать,
Кота пустейшего купить в мешке,
Что наша мысль к познанью охладела,
Мы все умом копаемся в песке,
О всём мы судим, как то, налегке,
И будто никакого нет нам дела,
Что Ревизор нас всех разоблачит.
И наша совесть, как в гробу, молчит.

LXXXIII

Качается и плачет человек
Меж темным своевольем и свободой.
Свободу прославлял афинский грек,
Свобода сделалась французской модой.
Ни в чем не изменился этот век,
И человек все тот же в наши годы.
Свобода расцветает на устах,
Но все за ней стоят еще в хвостах.

LXXXIV

Мы о свободе речь давно ведем.
Радищев, Пушкин нам ее воспели.
Свободу люди полюбить успели,
Но не успели с ней побыть вдвоем.
Велик свободы нашей водоем,
И человек глубок, на самом деле.
Свобода хочет от своих детей
Свободы от незнанья и страстей.

LXXXV

Мне кажется суждением этичным
Считать с в о и м лишь то, что ты **отдал.**
Тут подлинный простор коммунистичный,
Апостольский безмерный идеал
Любви евангельской... Но смертный пал
В свою эгоистичную безличность.
И вот — устроил гоголевский Нос
Из Ковалевых на Руси колхоз.

LXXXVI

«Вы призваны к свободе» — говорил
Апостол, утешение народов.
Его слова, как зерна, дали всходы,
Они теперь мерило всех мерил:
Но, кто из нас свободу ощутил,
Как от безверья и от зла свободу?
Мы все браним страстей ничтожный прах
И мчимся по нему на рысаках.

LXXXVII

Мы месяца себе по мерке ищем,
Свободе и поэзии подстать.
Хороший месяц предложил Поприщин,
«Мартобрь»... Быть может нам его избрать?
Конечно, критики получат пищу
И не легко нам будет убежать
От возмущенья критиков лихих,
В весенней и осенней форме их.

LXXXVIII

К каким филологам нам обратиться,
Иль химикам, чтоб формулу нашли
Для месяца свободы?... Время длится
И годы все летят — слепые птицы
По древнему лицу моей земли.
Свободе в мире негде приземлиться,
Она должна, как космонавт слепой,
Кружиться и кружиться над землей.

СОБАКИ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

По ночам собаки в мире лают.
Стены спят и люди видят сны,
И луна, как радость молодая,
Льется на безлюдье с вышины.

Ждет любовь полнощную отраду,
Кормит жизнь горячей грудью мать.
А собаки лают. Им не надо
Много в этом мире понимать.

XI. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЫЛИ

Я поднимаю пыль. И, с каждым шагом,
Я поднимаюсь над землей, как пыль.
Пылятся незабудки по оврагам,
Пылится память, как сухой ковыль.

В глубинах пыли тлеют мира сваи.
Я пылью покрываюсь и грешу.
Пылится все во мне. Я пыль смываю
И снова поднимаю, и ношу.

Но эта пыль уйдет в одно мгновенье,
Настанет чистоты великий час,
И воссияет новое творенье,
И воскресит Господь из пыли нас.

Чудесное от вечности восстанет
И будет вечно близким и живым.
И пыль чудесна — ведь ее не станет,
Она преобразится в звездный дым.

LXXXIX

Сдружился я со всей своей землей, —
Прекрасная, отважная планета.
Но многие ли замечают этот
Ее полет над бездной мировой.
Все по своим расселись кабинетам
И каждый превозносит угол свой,
Не понимая связи расстояний
В гармонии и славе мирозданья.

XC

Мы все бредем в пыли своих вещей.
Как мухи, малости нас облепили,
Ничтожности вещей нас обступили.
Душа моя, ну, выходи скорей!
Познай себя и проходи над пылью,
Дыши простором чистым на горе, —
Откроется весь мир перед тобой
И сделаешься ты сама собой.

XCI

Как хорошо смотреть легко на всех,
На правых, левых, благостных и строгих.
Нам всем даны и крылья и дороги,
И слезы нам даны, и чистый смех
Иронии, как ветер быстроногой.
Мы — сами авторы своих помех.
И нам не надо уходить куда то,
Чтоб видеть в каждом человеке брата.

XCII

С младенчества Россию я люблю.
С Америкой сдружил я жизнь мою.
Две странности в себе соединяя,
И странно их собою дополняя,
Я Странником себя лишь называю,
И потому не говорю, — пою.
Мне вместо мысли песнь моя дается
У чистых вод российского колодца.

XCIII

Как Русь, Америка была больна
Войной гражданской. Времена Линкольна
Прошлись тогда по ней довольно больно.
Жестокою была ее война
И братьев братья били произвольно.
Боролись руки, мысли, письмена.
Но все окончилось, пройдя по кругу, —
Честь воздана и Северу и Югу.

XCIV

Юг проиграл, но он не лыком шит,
Он со своей страною кровью слит.
И Север вспыхнул сердцем благородным,
И — стало прошлое общенародным.
Я верю, что Россия утвердит
Такой порядок выбором свободным.
Без мстительности и без хвастовства
В сады приходит новая листва.

XCV

Октябь прошел. Листва уже другая.
А мы зады все время повторяем:
«Мы — красные», «мы белые»... Цветной,
Мой старый век, что делать мне с тобой!
Никто из нас не дал России рая,
Никто не выйграл с ней последний бой.
О русский, в старых песнях поседелый,
Скажи, в чем *красный* ты? А ты — в чем *белый*?

. . . .

XCVI

Пишу я эти строки в сентябре
На берегу смиренного Лемана.
Садится солнце за горою рано
И что то говорит своей горе,
Давая электрической заре
К деревьям плыть из легкого тумана.
И, озарен двоящейся зарей,
Ко мне подходит новых звуков строй.

XCVII

Швейцария, земной свободы мать,
На красном поле белый крест вонзила.
И вот ее несет святая сила
И не дает ей в мире воевать.
Она все страны мира пригласила
Свободными и маленькими стать
Друг перед другом... Сила возвышенья
Над алой кровью — белый крест смиренья.

XII. ЖАЖДА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

НА УЛИЦЕ

Крестословицу решает господин.
Он за столиком на улице один,

И, в решение задачи погружен,
Говорит, как будто, сам с собою он.

А вокруг идет бездумная езда,
Люди пролетают, словно поезда,

И идет за старым веком тот же век —
Крестословицу решает человек.

Все сидит, решает, ищет он ответ
У того, чего и не было, и нет.

XCVIII

Поучимся у классиков поэтов
Вести рукой небрежной рифмы нить,
Но стройность повести своей хранить,
Читателя не унижать секретом
И благородно недругов любить.
Так часто спотыкаемся мы в этом.
Чтоб жить легко, всех недругов любя,
Нам надо не любить самих себя.

XCIX

Рецепт я дам для этого простой:
Смотри в себя всегда многообразно,
Но не любуйся бедною душой,
А наблюдай пути ее соблазна, —
Она тебя обманывает разно,
А ты ее поклонник ведь большой,
Все наровишь душе вручить награду,
Пред всеми даже, — надо, иль не надо.

C

И нам, конечно, тоже здесь к лицу
Себя прибрать, во всем смиренно каясь.
Поэма наша к своему концу
Уже идет, под старость спотыкаясь.
Поэма не такая уж большая,
Но очень странная по образцу.
Событиям неравного значенья
Она дает все то же облаченье.

CI

Учился я в старинном городке
Провинции бельгийской... Налегке
Я вышел с факультетов старомодных.
И от истории я был в тоске,
От всех ее правителей негодных,
От всех ее незрелостей народных.
В игре страстей не виделось мне силы.
Поэзия чуть слышно подходила.

CII

Я подружился с рифмою моей,
А рифма тишину мне отыскала,
И тишина мне сердце обновляла,
И сердце обновлялось все сильней.
И тишина моей молитвой стала,
И подружился я навеки с ней.
Так странно все случается на свете,
И дружественны странности нам эти.

CIII

Меня влекло тогда к литературе
Прямой и чистой. Ни один уклон
Я не считал оправданным в культуре
Словесности. И лодочник Харон,
Единственный без лени и без бури,
Соединитель мира двух сторон,
Тогда, как будто, выбился из сил —
«Тенденции» он от меня возил.

CIV

Мне всякие тенденции претили.
Я чистоту в поэзии искал.
Гражданственности честный идеал
Казался мне в стихах летаньем пыли.
Чудейственный я требовал кристалл
Свободы, обрученной высшей Силе,
Которую все больше жизнь моя
Считала вознесеньем бытия.

CV

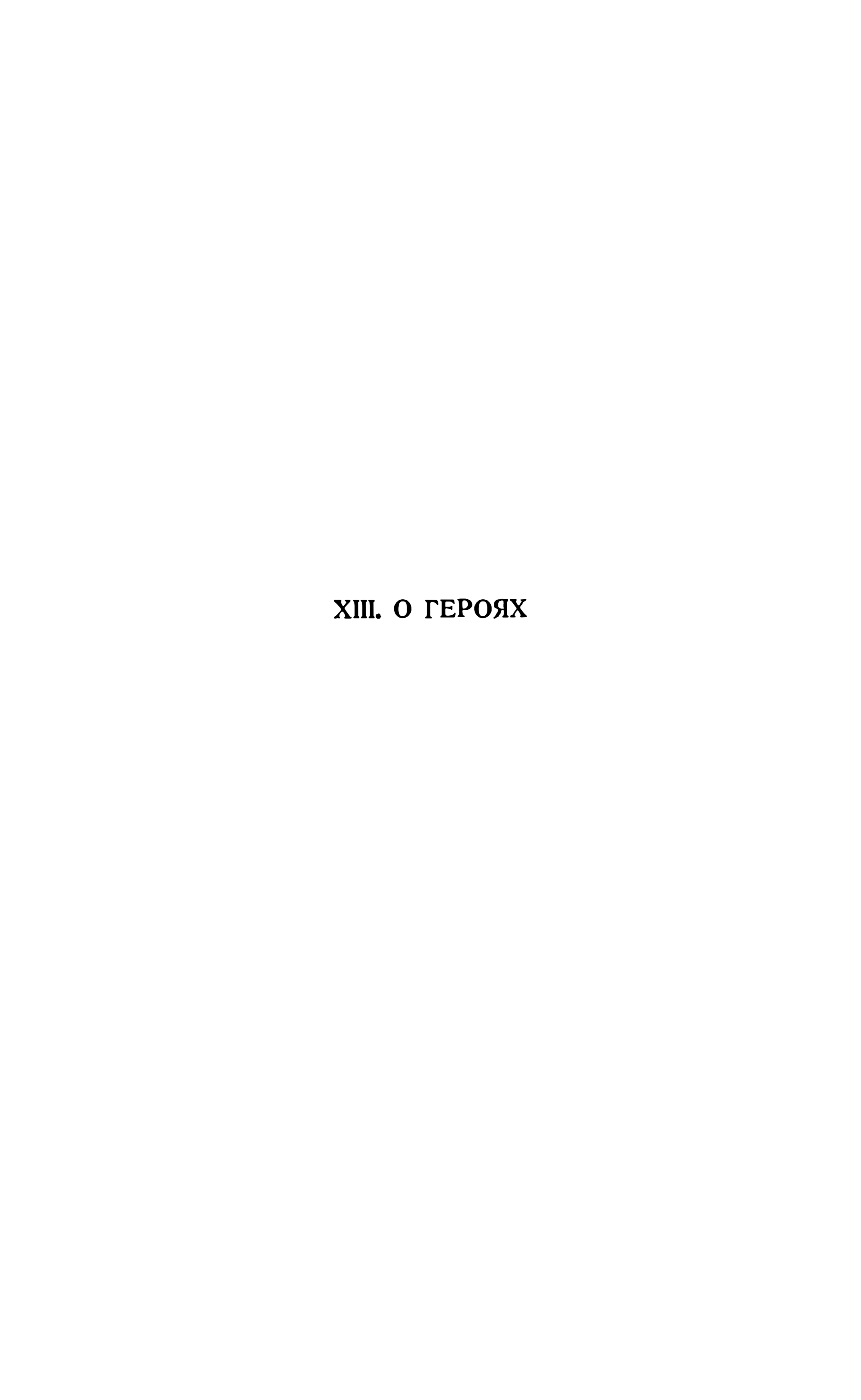
У Бунина в те годы я живал
На юге, в том чуть хладном «Бельведере»,
Где «Митину любовь» он создавал.
Был в дымке Эстерельский перевал,
Дыханье грасских роз входило в двери,
И, с Николаевной, тишайшей Верой
Гуляли мы, когда поэт творил.
Но я еще не замечал тех крыл,

CVI

Которые размашисто и хватко
Прорезывались под моей лопаткой...
Прошло еще совсем не много лет
И юность дней моих простых и шатких,
Вступила в новый Университет,
Где изучается один предмет
И степень там одна для человека:
Великий Свет уже иного века.

CVII

Невидимость реальности духовной
Важнее всех видений наших глаз.
Я верю, даже знаю безусловно,
«Нейтральности» не существует в нас, —
Мы из себя износим яд греховный,
Иль мудрости божественной запас.
Блаженны жаждущие совершенства,
В такой их жажде есть уже блаженство.

XIII. О ГЕРОЯХ

CVIII

В больших поэмах принято искать
Героев знаменитых и красивых.
Они должны комедию играть,
Иль потрудиться на созревших нивах.
Их может быть и два, и три, и пять,
И должен быть средь них один счастливый.
Ахматова нарушила закон
О блеске героических персон.

CIX

Ее поэма вышла «Без героя».
Вполне возможно, следствие такое
Имеет даже несколько причин.
Ведь мало героических мужчин,
Все больше женщины спасают Трою,
И огрубел поэтов нежный чин,
И множатся по миру небывало
Витии мира со щекою впалой.

CX

Герой «Двенадцати» — абстрактный дух,
Что рыщет поздно по больной столице,
Пургой морозной валит в снег старух,
Заглядывает проституткам в лица,
Ни с кем, ни в чем не хочет примириться,
Его вражду ведет его испуг.
И ложные — с цветочками — «омеги»
Шагают впереди таких элегий.

CXI

В эпоху Метростроев, Днепростроев
Совсем не стало на Руси героев.
Покрылась монументами земля,
Герои перешли на цоколя.
Но не взяла еще героев тля,
Хотя они хлебнули много горя.
Пусть мой герой сейчас не на виду,
Я с ним в поэме диалог веду.

CXII

Он — человек. И, значит, не без пятен.
Но он идет по новой борозде,
Не верит намалеванной звезде.
Он в чувствах трезв и в мыслях аккуратен,
И вижу я его уже везде.
Хотя быть может он не всем понятен,
В нем веянье каких то свежих сил.
Мне кажется, он п р а в д у п о л ю б и л.

CXIII

Его теперь не трудно в мире встретить,
Он по Руси уже ходить привык,
Но иностранный учит он язык
И хочет быть всегда за все в ответе.
И взрослые к нему идут, как дети,
Хотя еще он вовсе не старик...
Себя найдет он на моих страницах,
Когда к страницам этим приглядится.

CXIV

Но главный мой герой — не человек.
Я человека чту, люблю, но, все же,
Так мало человек поправить может,
Хотя испортить может целый век.
Над человеком есть и небо тоже,
Над человеком есть и звездный бег.
И небо есть над звездами иное...
Считаю небо основным героем.

CXV

Он не обманет ложным словом нас,
Он озарит, согреет нас лучами,
Окружит нас тишайшими ночами,
Сомкнет ресницы утомленных глаз.
А это нужно нам теперь, как раз.
Заканчивается поэма нами,
Еще глава, и дружеской рукой
Читателя отпустим на покой.

ЕВКАЛИПТЫ

Есть в евкалиптах жажда тишины
И сокровенное единоборство
С деревьями... Подземного упорства
Следы вокруг и запахи слышны.

Дыханье отнимает евкалипт
У всех кустов и трав. И он дымится
Навар стволов и листьев, жестких мирт,
Чтоб человек дышал и пела птица.

XIУ. ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

CXVI

Читатель терпеливый и немой,
Рассказ ты молча прочитаешь мой.
Как образец вниманья и терпенья,
Ты верные поставишь ударенья
И не смешаешь землю ты с луной.
Мысль о тебе приносит вдохновенье.
Ведь мы, поэты бедные земли,
Лишь малое всегда сказать могли.

CXVII

Моя поэма видит берег свой
Над мирозданья Тихим Океаном.
Ей не вручал ни директив, ни планов
Какой нибудь седой городовой.
Сам автор ведь достаточно седой,
К чему ж седых тревожить постоянно.
И пусть еще читатель нам простит —
Поэму не просматривал Главлит.

CXVIII

И потому в ней могут быть ошибки.
Мы, авторы, так на сужденье шибки,
Мы нервны, беспокойны и больны
Всем новым, или песнью старины;
Иль все у нас спокойно, как на Шипке,
В чем тоже нету нужной глубины;
Иль розовый герой, будя век сонный,
Читателя дивит своей персоной.

CXIX

Мы добрых месяцев не упраздним,
Пускай восходят светлой чередою.
Мы в споре только с месяцем одним,
Да с тою Лысою еще горою,
Что пол столетья единится с ним
И с партией известною одною.
Задача месяцев — глядеть в окошко
И Солнце отражать, хотя б немножко.

CXX

Перо свое кладу я в руки тем,
Кто старше духом, а душой моложе.
Пусть их душа земле моей поможет
И лучшую из всех земных систем,
В размеренности медленной поэм,
Они в стихах, иль прозою, предложат.
И заключат под синим небом блок —
Юг с Севером и с Западом Восток.

CXXI

На дальнем берегу своей зари,
Я берегу — чему являться рано.
Так медленно проходит ночи рана.
В предчувствии взволнованном замри,
Пусть только петухи несут свой крик
И пробуждают города и страны.
Ошибся тот, кто был к виденьям чуток, —
«Меж сном и бденьем» д о л о г промежуток.

CXXII

Я, как свечу, поставил жизнь мою
Пред образом Преображенья Тела,
Чтоб не чадя свеча моя горела.
За тело мира я сейчас в бою
И тело мира я сейчас пою.
Вся жизнь есть выхожденье из пределов.
Мы начинаемся, как эмбрион,
А после поступаем на Афон.

CXXIII

Как эмбрион встает из электронов,
Встает из эмбриона человек,
Бездонность глаз прикрыв морщинкой век,
Своим умом небесный купол тронув.
Мы занимаемся уже в наш век
Духовным воспитаньем хлябей сонных.
Нас не смущает высота заданья,
Вся наша жизнь есть только воспитанье.

CXXIV

Поэзия познала смысл вещей.
Поэтов надо приглашать к решенью
Всех дел земли... Бессмертен не Кащей
Партийности, — бессмертно вдохновенье.
Поэтов и мыслителей виденье
В мир надо пригласить. Тогда ловчей
Всем государствам будет сговориться.
Их примирит поэзии Жар-Птица.

CXXV

Она сейчас нас тайно собрала
И привела к себе на новоселье —
К Поэзии... И новое веселье
Я слышу в трепете ее крыла.
Так терпеливо свет она несла,
Пасхальный свет среди Страстной Недели.
И хорошо лететь здесь было нам
К России, к вдохновенью и слезам.

ПУТЕШЕСТВИЕ К БОЛЬШИМ СЛЕЗАМ

Мы летим, летим к стране чудесной,
Оставляя ночи долгих гроз.
Тонкий, робкий месяц неизвестный
Улыбается средь новых звезд.

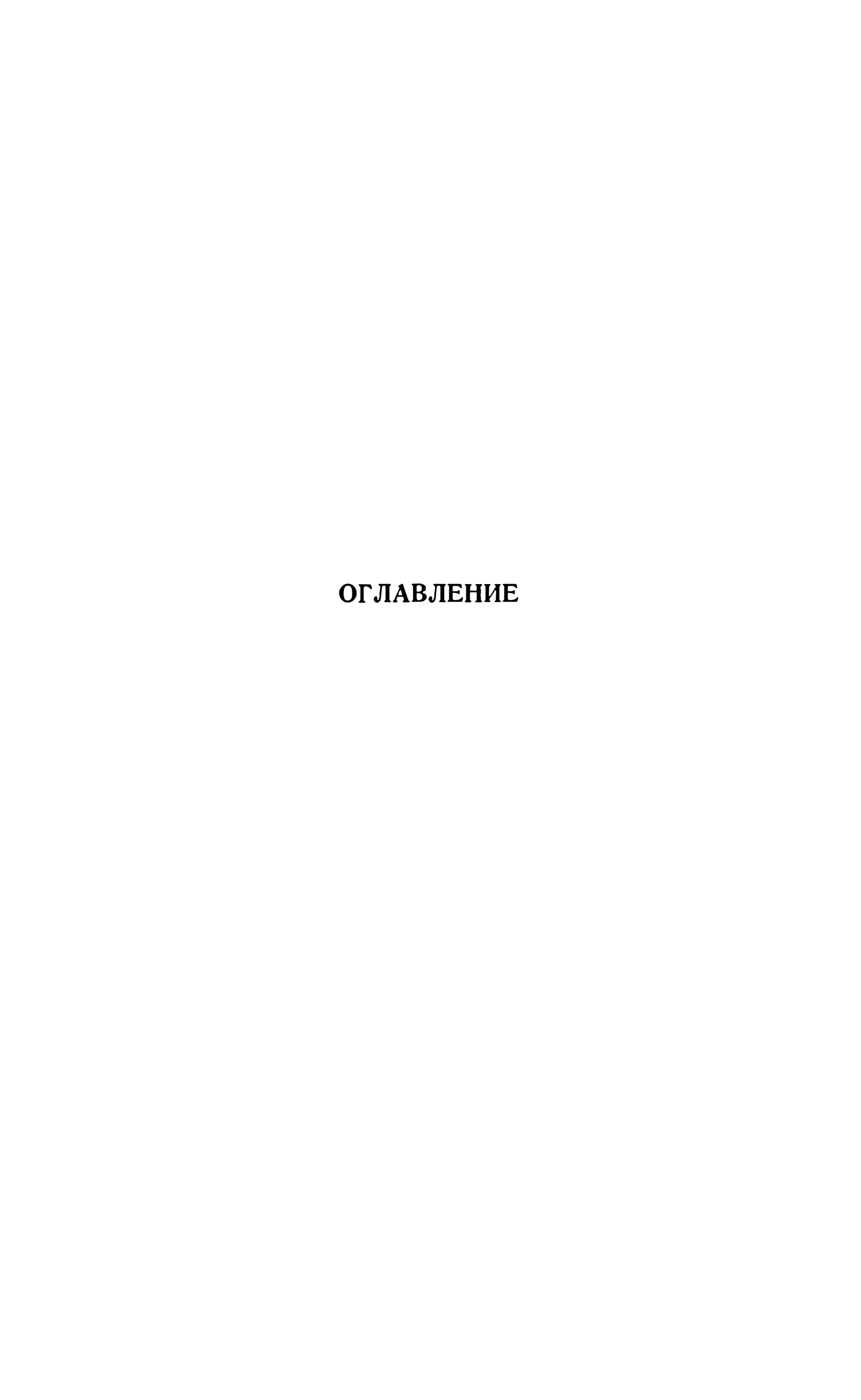
Одобряет, видно, нас — летите!
Говорит он, наклоняясь к нам.
И уже стихает ветр событий,
Ветр земной, открытый всем ветрам.

Свет бессмертья нам летит навстречу
И утешить словно хочет нас.
Звезды нам свое сиянье мечут
Из раскрытых, удивленных глаз.

В небесах мы скоро где то сядем
И земля засветится вдали,
И казаться будет райским садом
Этот диск светящейся земли.

И мы станем вглядываться зорко —
В то, что сделали мы на земле.
И душа тогда заплачет горько
О своем неверии и зле.

Есть надежда, впрочем не простая,
Но такая чистая собой,
Что в больших слезах тогда растает
Горечь несвершенности земной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Стр.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

«Странствия (Лирический Дневник)». Нью Иорк, 1960 г.

«Книга Лирики», Париж, 1966 г.

Главный склад издания поэмы «Упразднение Месяца»:

«IHFIS», 2040 Anza Street,
SAN FRANCISCO, California 94118

Ц. 2 долл. с перес.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
34	2 снизу	Оа	Он
46	1 снизу	Коoперником	Коперником
93	7 сверху	Любви страна	Любви своей страна ждала и каждый